

*Юрию Жеребцову, актёру и режиссёру, заслуженному артисту
Украины, посвящаю.*

Анатолий Юрченко

Оксюморон*

Комедия для театра одного актёра

* 1. Оксюморон – термин, обозначающий сочетание противоречивых понятий.

2. В пьесе использованы юмористические и иронические произведения, опубликованные автором в разные годы.

3. Абсолютно все события и действующие лица вымышлены.

4. Использована песня «Арлекино» в исполнении А.Пугачёвой (музыка и слова Э. Димитрова, русский текст Б. Баркаса).

Действующее лицо

Александр Федорченко, журналист.

Место действия

Город Н. Н-ский театр, ведущий свою историю, как принято считать, с дореволюционных времён, готовится с помпой отпраздновать очередной юбилей. Действие пьесы происходит в редакции местной газеты. На сцене – выгородка, изображающая угол редакционного кабинета: стол с монитором, клавиатурой и телефоном, два стула (один из них – для посетителей), стеллаж с книгами, блокнотами, газетными подшивками и т.д. На стенах – календарь, карта автомобильных дорог, самодельные (сделанные с помощью компьютера и распечатанные на принтере) плакатики:

Театр – террариум единомышленников.

Последний акт всемирно-исторической драмы – комедия.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.
Театр начинается с вешалки, но главное в нём – буфет.
Не можешь сделать под редактора? Делай под себя!
Театр одного актёра – альтернатива театру одного зрителя.
Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно ходить в памперсах.

Не стреляйте в пианиста – он играет, как умеет.

Если ты проснулся знаменитым, значит, ты уже умер.

Плакатки не умещаются на стенах кабинета и расползаются по всему пространству сцены. Место для игры актёра – это собственно редакционный кабинет, остальная часть сцены (мир за стенами редакции) и зрительный зал.

Третий звонок. По залу идёт человек в шутовском колпаке (актёр – исполнитель роли Федорченко).

АКТЁР. В театр хорошо ходить с цветами. В театр хорошо ходить с цветами. *(Идёт к сцене, раздавая цветы зрителям.)* В театр хорошо ходить с цветами. *(Примечание: здесь и далее этот текст может звучать как «закадровый голос».)* И вообще: ходить в театр – это хорошо. Потому что ходить в театр – это хороший тон. А не ходить – дурной. И только тот, кто ни разу не был в театре, никогда не поймёт, почему ходить в театр – хорошо, а не ходить – плохо... *(По ходу этого монолога актёр поднимается на сцену, входит в выгородку, снимает колпак, преобразуется в Федорченко. Звучит вызов мобильного телефона, сигнализируя о поступлении СМС.)*

ФЕДОРЧЕНКО *(читает СМС, хватается за обычный телефон, набирает номер)*. Сергей Васильевич, это Федорченко, здравствуйте. Получил вашу СМС. Чуть подробнее, пожалуйста, – зачем меня завтра ждут в управлении культуры?.. Что? *(С размаху бьёт ладонью по столу.)* Что за звук? Это я со стула упал. Спасибо, мне удобно. Вот лежу на полу и с вами разговариваю. Вы сейчас ещё чем-нибудь ошарашите, а я уже и так лежу... Да нет, говорите. Я же сказал – мне удобно, дальше падать некуда... Губернатор дал команду написать пьесу к юбилею театра? Управление кипятком... понимаете ли?.. А я тут при чём?.. Сам знаю, что у меня две пьесы. Первую так и не поставили. Был режиссёр, который уже совсем было собрался, – бац, и умер. Вторую... Другой режиссёр её только прочёл – бац, реанимация. Представляете, что будет, если я третью напишу?.. Да,

конечно, чёрный юмор – что мне ещё остаётся! Но если я завтра в управлении культуры эту историю расскажу? Горбенко за сердце схватится, Березовской «скорую» вызовут, вас там не будет?.. И правильно – берегите себя... Сергей Васильевич! Я готов говорить серьёзно. В отличие от вас. Я просто не в теме!.. Да знаю, как не знать, сидели себе в некоем провинциальном городке два мелких чиновника. А когда совсем уже допекли рутинная и канцелярщина... Как вы думаете, что со мной сделают, если я такое напишу? Тут же начнётся: кощунствует! Только я не кощунствую. Я их как раз понимаю! Я, может, и свои пьесы написал, потому что дошёл до точки: или в петлю – или пьесу... Вы готовы помочь?.. И Шабанов?.. Своими вырезками из газет? Да мне месяца четыре понадобится, только чтобы материалы изучить... Ладно, представьте себе, с вашей помощью, с помощью Шабанова я напишу самую гениальную пьесу – а наш театр возьмёт да испортит. Кому заорут «позор»? Театру или автору?.. Ничего страшного – вот сейчас встану с пола и отправлю в управление электронное письмо: «спасибо» и «извините». До свиданья.

АКТЁР (но одновременно он и Федорченко, отстукивающий на клавиатуре электронное письмо). И очень хорошо, если вы идёте в театр. Да ещё с цветами. Это сразу поднимает вас в собственных глазах. И в театре вам – хорошо. Потому что в театре – свой особый воздух. Как говорят знатоки – атмосфера. В рыбном магазине, к примеру, такой атмосферы нет. И в парфюмерном – нет. В троллейбусе – нет. У вас дома – никогда не было! А в театре – есть. И вы сидите на своём законном месте, согласно купленному билету, и вдыхаете атмосферу. Никто вас не толкает, не отпихивает, не бьёт локтем под дых, не давит, не дышит в лицо перегаром, не ставит на голову чемоданы, не хватает за хлястик, не виснет... Хорошо...

ФЕДОРЧЕНКО (он отправил письмо, снова снимает трубку телефона, набирает номер). Здравствуйте, Неля Кондратьевна. Да, Федорченко... Пишу. Главный редактор захотел статью о нашем театре. Да, к юбилею. Но такую – системную... Упаси Бог. Никого из великих! Забудьте, что вы искусствовед. Помните, как ушёл главный режиссёр Кравченко и пришёл на его место Степовой?.. Какие «сто лет»? Ещё тридцати нет. И мы с вами ещё вполне... ещё можем... что-нибудь вспомнить. Тем паче оба как бы причастны. Что-то там варилось между Кравченко и Степовым, а мы с вами, как два заговорщика... Что меня беспокоит? То, о чём я, мальчишка, тогда не

задумывался. Мне казалось – благое дело. Но когда оглядываюсь на него – знаете, что чудится? Рука режиссёра. Может быть, самого Степового. Может быть... не знаю. А мы с вами, словно две марионетки, сыграли заранее срежиссированную пьесу, нас дёргали за ниточки, а мы воображали себя живыми персонажами, от которых что-то зависит. А возможно, и сам Степовой был такой же марионеткой, и его кто-то дёргал за ниточки... Вы мне предложили тему, я как раз подумывал о статье – о состоянии культуры в городе. И решил: лыко в строку... А как «ушли» самого Степового, помните? А череду режиссёров после него? А чехарду с директорами?.. Нет, Неля Кондратьевна, я ещё только приближаюсь к возрасту мудрости. Но если я, сегодняшний, чувствую подвох, я должен хотя бы попробовать докопаться... Да, жаль... Это я прошу меня извинить. До свиданья.

АКТЁР. Очень хорошо, когда у человека есть своё законное место. Даже в поезде на вашем месте уже может кто-нибудь сидеть. Даже в поезде кто-то будет размахивать точно таким же билетом, как у вас, на то же самое место. А в театре – нет. И вам хорошо. Хотя вы никуда и не уезжаете. И хорошо, что постепенно гаснет свет. Иначе кто-нибудь мог бы заметить, каким беззащитным вдруг стало ваше лицо. С таким лицом на свету (или вообще на свете?) просто нечего делать. Даже в театре. И хорошо, что открывается занавес и теперь все могут смотреть не на вас, а на актёра, который выходит на сцену и подаёт первую реплику...

ФЕДОРЧЕНКО (*снова снимает трубку телефона, набирает номер*). Сергей Васильевич... Да, спасибо, с пола уже встал. А что, опять придётся падать?.. Я про идею пьесы. Они что, всерьёз думают, если написать и поставить пьесу о славном прошлом, всё разом изменится в настоящем?.. Конкурс?.. Ну, раз деньги обещаны, борзописцы найдутся. Только, боюсь, никто и не вспомнит, что на самом-то деле это был живой театр, а не музейный экспонат. Живые люди, которые влюблялись, ссорились, негодовали, прощали, а может, и не прощали, которым нужно было есть, пить, зарабатывать деньги. Боюсь, потащат на сцену хрестоматийные картинки. Восхищённый Лев Толстой беседует с нашей актрисой-легендой... Где они тогда гастролировали – в Москве, наверно? И выйдет на сцену извлечённый из нафталина Толстой – персонаж музея восковых фигур. Есть там такой, с длинными волосами, осталось бороду приклеить. А из другого музея – актриса-легенда... Ну и куда вы меня

толкаете?.. Да? Спасибо, что верите, но... даже если Шабанов засыплет меня газетными вырезками с головы до ног, а вы обложите со всех сторон монографиями... Проще спичку бросить. Представляете картину? Стоит человек, обсыпанный бумагой, обложенный монографиями, – и только одна спичка!.. Джордано Бруно, гибнущий на костре за идею живого театра... Да нет, Сергей Васильевич, это я сгоряча, конечно, а мне писать нужно – статья на компьютере стынет. До свиданья.

АКТЁР. И это хорошо, что актёр выходит на сцену и произносит первую реплику. Хотя её и не слышно. Потому что как раз в этот момент открываются двери и опоздавшие зрители, громко пыхтя, идут на цыпочках к своим и не своим местам. Но вам всё равно хорошо. Потому что вы в театре. Да ещё с цветами. Вы сидите и выбираете актрису, которой вручите их в конце спектакля. Или актёра – если вы не мужчина, а женщина, любящая театр...

ФЕДОРЧЕНКО *(он вышел из-за стола, из выгородки – в «мир», и теперь обращается прямо к залу)*. Меня действительно это мучит – что мы должны любить? Театр? Или легенду о нём? Это же так просто. Сделать мечтательные глаза и произносить с придыханием: театр... колыбель... наша гордость... на все времена... Но мне не хочется – с придыханием... Вот ведь – и кино есть, и телевидение, и DVD, и Интернет!.. А людям всё равно хочется в театр! И не для того, чтобы потом говорить с придыханием: вчера был в театре!..

(Во время следующих монологов Федорченко может, размышляя, ходить по кабинету возвращаться в выгородку, чтобы набрать очередной фрагмент статьи, рыться в блокнотах и подшивках, лежащих на стеллаже, либо, обращаясь прямо к зрителям, выходить на авансцену.)

Чёрт меня занёс в этот благословенный город, родину театра-легенды! Станный, вообще говоря, город – слишком самодовольный, слишком самовлюблённый и слишком старающийся выглядеть самодостаточным в своих собственных глазах. Я понимал всё отчетливее: моё призвание – социальная журналистика, пусть даже со всеми ограничениями, которые накладывало на неё то время. Но мой диплом с отличием, дающий право на свободный выбор места работы, сыграл со мной злую шутку. Выяснилось: никто не обязан меня трудоустраивать, платить зарплату и заботиться о карьерном росте. Троечнику, с направлением от вуза, – да, обязаны. Мне, не имеющему направления, – нет. Я работал на подхвате – то там, то

сям, подменяя сотрудников, ушедших в отпуск, я зарабатывал себе имя, но... не постоянное место работы. И вдруг в этом благословенном городе мне предложили не самую худшую должность, приемлемую зарплату, а самое главное – квартиру. Ладно, подумал я, в конце-то концов! Повсюду люди страдают, радуются, переживают победы или поражения одинаково. Но при ближайшем рассмотрении мне начало казаться, что даже страдают и радуются здесь как-то по-другому...

Город кичился своей дореволюционной архитектурой (от которой почти ничего не осталось), своей первой – чуть ли не первой в мире! – трамвайной линией (которая исчезла невесть куда в более позднее время) и, наконец, театром.

«Жаль, – говорили мне, – что ты не попал в наш город раньше – до того, как у нас театр перестроили. Вот это был театр – парижская Гранд-Опера в миниатюре!..»

Театр по какой-то своей прихоти построил знаменитый в здешних местах меценатствующий купец Зозулин и, как ни странно, скоро сделал его ещё одним своим прибыльным предприятием. Интересный внутри, внешне театр выглядел сарай сараем, выстроенным отнюдь не на века, и быть бы ему в новейшие времена в лучшем случае каким-нибудь домом культуры каких-нибудь пиццевиков, если бы не одно «но». В те же времена словно из ниоткуда возникла и местная труппа, которая, когда не гастролировала, играла на подмостках зозулинского театра и стала на долгие годы подлинной славой этого города... И в театр я в конце концов выбрался. На обычный спектакль из текущего репертуара. Вот только... публики было маловато. Спектакль задержали на пять минут, потом ещё на пять, потом... бухнули двери и, топая сапогами, зал заполнила рота бойцов, пахнувших гуталином и казармой, из близлежащей части...

(Вновь преобразается в актёра, читающего «закадровый» текст.)

АКТЁР. А спектакль идёт. И постепенно все зрители занимают места. И постепенно выходят на сцену все артисты, даже опоздавшие. И их становится больше, чем зрителей в зале. И им тоже становится хорошо. Поэтому они начинают петь. И это тоже хорошо. Потому что за пением не слышно, как встаёт и уходит первый зритель. Потом второй. Третий... И остаются только артисты на сцене да ещё вы в зале. Да ещё с цветами... Спыхватываясь, вы вручаете цветы своей спутнице и, как все, вместе с ней на цыпочках выходите из зала.

Билетёры смотрят вам вслед. Может быть, ваша спутница – актриса, которую вы увели прямо со сцены?.. А спектакль продолжается. А может, уже и нет. Потому что актёры тоже люди. Их тоже кто-то где-то ждёт. И что с того, что вам было хорошо?.. Вечно хорошо не бывает.

ФЕДОРЧЕНКО. Интересный город, подумалось мне. Так гордиться своей утраченной Гранд-Опера в миниатюре, так ностальгически говорить о ней – и при этом не ходить в театр?.. Нет, не театральный город...

Но уже летом я усомнился. Один за другим приехали три гастрольных театра, каждый привёз по десятку спектаклей, каждый работал ровно месяц, но почти каждый день был аншлаг... И однажды Вера Монастырская, зав. отделом культуры газеты, робко спросила меня: не соглашусь ли я написать театральную рецензию на один из гастрольных спектаклей?..

В журналистике считается, что на темы культуры не умеет писать только ленивый. То есть, по определению, умел и я, как и любой журналист. Но почему же всячески избегали театральные рецензии как раз штатные журналисты отдела культуры? Почему Монастырская обратилась ко мне, работающему в другом отделе?.. Но я просто ответил согласием – лишняя гонорарная копейка на самом деле лишней не бывает. К тому же я любил театр. В индустриальном городе, в котором я вырос, не было своего театра. Да, были кинотеатры, было телевидение, но я на всю жизнь запомнил ощущение радостного изумления, которое испытал, впервые попав на спектакль заезжего театра, играющего в доме культуры шахтёров. К последнему курсу я был уже завзятым театралом, не понаслышке знающим лучшие театры страны. И после вуза помотался по командировкам – успел кое-что повидать. ГЛАВНОЕ успел понять – никакое кино, никакое телевидение не заменят собой живой театр, с живыми актёрами, а не изображениями на экране, с живым действием, которое творится на твоих глазах. Да и время было другое – не сегодняшнее. Театр был любим везде. Кинематограф не боялся экранизировать драматургию. Телевидение делало собственные телеспектакли и показывало лучшие спектакли, которые шли на сценах. Иногда и те, которые мне повезло увидеть вживую. Я смотрел на телеэкран и... испытывал разочарование. Уходила из спектаклей энергетика – та самая энергия, которую отдаёт актёр со сцены в зрительный зал и которую зал возвращает сторицей. Там, где в театре

я безудержно хохотал вместе с залом, телеверсия заставляла всего лишь улыбаться. Там, где отчаянно соперничал, – испытывал простое сочувствие...

Да, в театр ходить – хорошо... А не ходить – плохо...

Первая моя рецензия тут же попала на редакционную «доску почёта». И начался мой театральный роман. Я зарабатывал на жизнь «обязаловкой», которая требовалась отделу, а рецензии для другого отдела – это было хобби... за которое ещё и деньги платили...

(Звонит городской телефон на рабочем столе.)

Да, редакция. От вашего дома не вывозят мусор? В ЖЭК жаловались? Считаете, лучше сразу в редакцию? Хорошо, завтра соберём бригаду журналистов и пошлём к вам на уборку, диктуйте адрес. Как моя фамилия? Бендер-Задунайский. Нет, ночной сторож. Рабочий день закончился – я кабинеты обхожу. Это вы думаете, что ещё не кончился. А журналисты думают иначе. Всё написали – и ушли. Хорошо, завтра передам главному редактору. Если не забуду.

(Кладёт трубку, тут же раздаётся новый звонок.)

Бендер-Задунайский у аппарата!.. Да, Неля Кондратьевна, я, Федорченко, извините... Нет, не прикалываюсь. Решил, опять тот жалобщик, у которого мусор не вывозят. Нет, не буду я на вас ссылаться. Но что делать, если я только через три десятка лет задумался об интриге: зачем мы с вами, Неля Кондратьевна, тогда это сделали?! Что может оправдать нас сегодня?! Нет, ссылаться не буду. Этику, Неля Кондратьевна, по-моему, не только журналистам преподавали, но и искусствоведам... До свиданья.

(Пододвигает стул к стеллажу, становится на сиденье – подстелив газету, – роется в бумагах на самой верхней полке.)

Я продолжал печь рецензии. Сначала на спектакли гастролёров, потом мне предложили попробовать написать рецензию на премьерный спектакль нашего театра... Потом на ещё один... *(Бумаги внезапно рассыпаются, одну из них Федорченко ловит на лету.)* Ты смотри, а я и забыл о ней! *(Читает со странички, которую держит в руках.)*

Прекрасно!

(Опыт типовой театральной рецензии)

Прекрасно, вот единственное слово, которое хочется повторять, говоря о новой премьере Заболотинского музыкально-драматического театра.

Прекрасны песни, которые звучат в спектакле. Правда, актёрам не хватает голоса, но этот маленький недостаток почти незаметен на фоне всего остального.

Прекрасна музыка (о которой нельзя сказать ничего плохого, кроме хорошего). И хотя исполнительский уровень оркестра ниже всякой критики, это почти незаметно на фоне всего остального.

Прекрасен темп пьесы, искромётны её диалоги, чрезвычайно насыщен текст. Правда, режиссёрские решения и игра актёров практически не позволяют донести этот текст до зрителя, но и это почти незаметно на фоне всего остального.

Прекрасен замысел главного балетмейстера театра. К сожалению, хореография противоречит общему настрою спектакля, но и это почти незаметно на фоне всего остального.

И самое главное в сегодняшней премьере – прекрасно, что наконец коллектив нашего театра обратился к современной, злободневной, удивительно глубокой и чрезвычайно выразительной пьесе!

Но и это почти незаметно на фоне всего остального...

(Пауза – желательно, чтобы зрители правильно поняли и поаплодировали.)

Агата Кристи как-то призналась – ей кажется, она всё время пишет один и тот же бесконечный детективный роман. Наверно, и я, когда писал рецензии, чувствовал что-то похожее, и чтобы избавиться от наваждения, и написал вариант такой типовой рецензии. На все времена и для всех театров.

Чего добру пропадать, подумал я и понёс в отдел культуры – куда же ещё? Вера Ильинична была в отпуске, замещал её поэт Василий Азалевский, ведущий в газете литературную страничку. Он прочитал, покрутил головой и сказал: «Это же про наш театр». – «Ни в коем случае», – ответил я, честно глядя ему в глаза. – «Вот поэтому и опубликуем», – сказал он.

Может быть, он давно понял то, что только-только начинал понимать я. Театр обеими руками держался за репертуар знаменитой дореволюционной труппы, игравшей на этих же подмостках.

Классика, кто будет спорить! Но, чтобы иметь успех, классика должна быть современной, а в театре-наследнике она казалась извлечённой из нафталина – и только для того, чтобы через сезон-другой снова отправиться в нафталин. И от современной драматургии несло тем же нафталином... Театр завис вне времени и даже не пытался прыгнуть выше головы. Зачем?! Ведь он и так наследник, продолжатель, хранитель и выразитель! Чего вам ещё?! Зарплата идёт, дотации выплачиваются, деньги на постановки выделяются, а записные рецензенты... да что записные рецензенты! Они всё равно напишут, что театр в очередной раз проявил верность традициям великих предшественников... Может быть, потому и уклонялись от рецензий штатные журналисты отдела культуры?..

К счастью, не одним профессиональным театром был жив город. Я открыл для себя студенческий театр «Эхо». Самодеятельный театр оперетты при одном из домов культуры. Народный театр при другом ДК. Они и компенсировали то, что недодавал театр профессионалов. Режиссёры самодеятельных театров тоже были профессионалами, но старались ставить самые свежие пьесы – только-только из-под пера драматурга. Тем были интересны. Когда ещё дойдут руки у кинематографа или телевиденья до Вампилова или Гельмана! А у нас – вот они, уже на сцене! Смотри, город! А актёры... Да, чистой воды художественная самодеятельность. Но... за новизну материала, за азарт, с которым они бросались в роль, им можно было простить многое – чего нельзя простить профессионалам, с мёртвыми глазами выходящим на сцену и отрабатывающим спектакль, как отрабатывают барщину...

(Федорченко возвращается за рабочий стол.)

С Нелей Кондратьевной мы были знакомы не близко, но ведь знакомы. Разговор шёл ни о чём. Так, светский обмен репликами. И вдруг, испытующе посмотрев мне в глаза, она сказала: «А вы не хотели бы написать о нашем театре?» Я пожал плечами. «Закажут рецензию – напишу». – «А если не рецензию?» – «А что?» – «А вы не согласились бы встретиться со Степовым, очередным режиссёром?..»

Неля Кондратьевна, понял я, затевает интригу. И от предложения, чтобы Степовой пришёл ко мне в редакцию или я к нему в театр, отказалась наотрез: «Нет-нет, лучше где-нибудь на нейтральной территории».

Степовой оказался напористым и убедительным. Да, говорить он умел. Но то, что рассказал... Я не был знаком с Кравченко, главным

режиссёром. Но, получалось, на нём следовало поставить клеймо бездари и губителя нашего замечательного театра и гнать из театрального мира с волчьим билетом за профнепригодностью.

И всё это было, говоря современным языком, не для печати.

Сегодняшних законов о диффамации ещё не было. За клевету, за голословное упоминание любого должностного лица, облечённого хоть какой-то властью, карала и миловала партия. Она тогда была у нас одна. Зато нас у неё было уже много. И ей было не жаль выкинуть из своих рядов любого, кто осмелился на критику, не санкционированную свыше. Потому у меня бастовала рука. Да нет, опасался я не за себя – за главного редактора: вдруг пропустит в печать, не читая. И поедет, бедняга, без партбилета в глухое село рядовым корреспондентом... Но в конце концов сел за машинку. И написал то, о чём и собирался писать. Почему наши учреждения культуры так мало делают именно для культуры? Большую статью – на полосу. Отдельной главкой – о театре. И кое-что из сказанного Степовым в эту главку вошло. Нет, не впрямую, без тыканья пальцем, без негодующих возгласов, самое большее, он прибавил мне два-три штриха, да и то больше в подтексте. Но... я понял, что Вере Монастырской эту статью не понесу...

И Неля Кондратьевна сделала следующий ход – сама встретилась с главным редактором, у которого, судя по всему, давно была в фаворе, и передала ему мой материал. Мудро. Если бы что-то пошло не так, у главного редактора были неубиенные козыри: во-первых, его об этом «очень просили», а во-вторых – автор. Вы же понимаете – молодой, пришлый, он сам не понял, на что замахнулся! А хотите – он сам же и покается на газетных страницах перед городом и миром?..

Через две недели статья была опубликована. Ещё через две недели Кравченко ушёл из театра и его место занял Степовой.

(Федорченко снова выходит на авансцену.)

И вот я теперь думаю – хватило такой малости? Я никого не обличал и не разоблачал. Фамилию Кравченко не упомянул ни разу. Просто высказался, что репертуарная политика театра, а соответственно, и зрительский интерес к нему зависят в первую очередь от режиссёров и режиссуры. Фамилию Степового упомянул только раз. Ну, может быть, лишь чуть благожелательнее, чем собирался – если бы разговора с ним не было. Всё, что я сделал, это спросил: почему театр не занимает в сфере культуры то место, которое ему надлежало бы занимать? И этого хватило?.. Нет, ребята,

интрига заваривалась, возможно, на более высоком уровне, нежели уровень Нели Кондратьевны. Публикацию уже ждали. И главный редактор, член бюро обкома, знал об этом. Только не решался сам поручить кому-то. Чтобы, в случае чего, не подставить сотрудника.

Но это я сегодня такой умный, задним числом. А тогда... Впрочем, ведь и тогда было видно невооруженным глазом: партийное и советское начальство только тем и занималось, что «спасало» театр, не имеющий зрительского успеха! О, что только для этого ни изобреталось! В буфет театра, например, завозили дефицитные продукты. Исчезло, скажем, в городе сливочное масло. И вот зритель приходит на спектакль и обнаруживает – а в буфете масло есть! И даже можно взять полкило! И вот после антракта сидят зрители в зале с бумажными свёртками в руках и уже не столько смотрят спектакль, сколько маются. Держать масло в руках – не шибко хорошо, может потечь. На колени положить? Может ещё и костюм испачкать... Но ведь уже на следующий день зритель придёт на спектакль подготовленным. Заодно и соседей, друзей, сослуживцев приведёт! Нельзя же объявить по радио, что в театре можно купить масло. И тем самым признать, что в магазинах его нет! Приходилось полагаться исключительно на другие средства массовой информации – тоже радио, но сарафанное. А сколько директоров сменилось в театре! Недавно я познакомился с человеком, который, спасаясь от этой должности, на месяц залёг в стационар. И изображал чуть ли не смертельно больного – до тех пор, пока не отсверкали молнии и не нашёлся очередной камикадзе. А тут – нате вам, здрасьте – я со своей статьёй, утверждающей, что театр должен спасать не директор, а главный режиссёр...

Мой театральный роман вышел на новую ступень. Степовой приглашал меня на репетиции, делился планами, спрашивал моё мнение, даже ввёл в художественный совет театра.

Стоп, спрашивал моё мнение?.. Нет уж, это я, пожалуй, в запале ляпнул. Не было у него такого обыкновения – спрашивать. Скорее – диктовать.

– Каким, – наседали на меня, – мы хотим видеть театр? Музейным экспонатом, который хранится в застеклённой витрине и бережёт в себе дух далёкого прошлого? Но тогда не надо спускать театру финансовый план, требовать кассовых сборов! А если нужны сборы – не надо превращать театр в музейный экспонат! Только новые постановки, только современность – может быть, один-два

классических спектакля, как фирменный знак театра, а в остальном – только премьеры, премьеры, премьеры!..

– Паневежис, – подсказывал я.

– Да, – воодушевлялся он. – Маленький Паневежис. Маленький театр. Но десять-двенадцать премьер в год! Горожане, спешащие увидеть каждый новый спектакль! Полные залы, гастроли, известность на всю страну!..

Но когда он назвал пьесу, с которой собирался начать как главреж, я едва не подпрыгнул от неожиданности. Как же так! Спектакль по ней не только давным-давно поставлен, но и блестяще экранизирован! Многие его наверняка видели! И вот наш зритель будет сидеть и невольно сравнивать – и то не так, и это не этак! Тут уже он взвился до потолка. Оказалось, я ничего не понимаю! Сам великий Безнадий-Ламповецкий начал именно с этой пьесы и ею сделал свой театр знаменитым! А теперь она, эта же пьеса, возродит и наш хиреющий театр... Я слушал с сомнением и надеждой. А вдруг! Вдруг я вижу перед собой нового, ещё неведомого городу и миру, Безнадий-Ламповецкого?! Спектакль вышел. И я признал, что был не совсем прав. Вдруг заиграли актёры, на которых я уже готов был поставить крест. И в целом спектакль был неплох... Или это только казалось после нафталина, которым театр дышал прежде? Или Степовому удалось так загипнотизировать меня сладкими речами?.. Но ведь один недостаток существовал, это уж точно – спектакль был сделан по уже известному образцу... Да что там! Был передран с известного образца!

Но я с лёгким сердцем написал положительную рецензию. Потом – ещё две-три.

От наваждения типовых рецензий я избавился. Зато теперь меня мучили другие комплексы.

(Берёт стул, спускается в зрительный зал, решительно ставит в проход у первого ряда, садится.)

Я сидел в партере и смотрел спектакль, когда меня легонько толкнули в бок.

– И вы это смотрите? – сочувственно прошептал сосед справа.

Я пожал плечами и прошептал в ответ *(исполнитель роли Федорченко оборачивается и говорит всему залу):*

– По-моему, вы тоже.

– Я! – внезапно разозлился он. – Да на это же смотреть противно! Они же в стельку пьяные, по сюжету. А они что вытворяют! Или они действительно в стельку?! Артисты...

Я отвернулся, но скоро почувствовал новый толчок.

– А этот что делает? Смотреть же противно! Актёришка! Он же к ней с гнусными намерениями пришёл. Так давай! А он чего?.. Или у него никогда гнусных намерений не было?

На сцене шла комедия. Рядом со мной разворачивалась драма.

– Вы посмотрите только! Это она так сопротивляется! Смотреть же противно. Актрисочка... Она что, не сопротивлялась никогда?

Моих ответов он не ждал.

– А этот что изображает? Он же под поезд кинуться собрался. Актёр называется! Он что, под поезд никогда не кидался?

Улучив момент, я сочувственно прошептал прямо в его большое ухо:

– Вы, наверно, режиссёр?..

– Режиссёр?! – взорвался он. – Да если хотите знать, всего противнее здесь – режиссура! Ну взялся ты ставить про бомжей – ставь! Но так, чтобы жизненно было! Или он бомжем никогда не был?

– Послушайте, – не выдержал я, – в конце концов!.. Если не нравится, можете просто уйти.

(Исполнитель роли возвращается на авансцену.)

– Могу, – согласился он уныло. – Только зачем? Самое противное, что мне на всё это ещё и рецензию писать.

– Какую рецензию? – не понял я.

– Как это какую? – вышел он из себя окончательно. – Ясно же какую! Положительную.

(Пауза.) Да, нелёгкое это дело – дружить с театром. Впрочем... нет, это ты с ними дружишь, а они-то тебя – используют... Жаль только, что понял это поздно... А так... Сколько раз приходилось буквально балансировать над текстом, как канатоходец над бездной: один неверный шаг, одно неточное слово – и всё, ты летишь вниз. Ну сделали они новый спектакль – ну и что?! Смотреть, в общем, можно. Но ведь можно – и не смотреть. И ровно ничего не потеряешь... Но ведь это твои друзья... Они ждут положительной рецензии... И ты пускаешься во все тяжкие: домысливаешь то, чего не было ни в пьесе, ни тем более на сцене: смотри, дескать, зритель, ведь в подтексте это есть!.. В подтексте...

Но разве не положительных рецензий ждали редакции газет? И мне случалось слышать: «Если что-то не понравится, не пишите слишком резко». Ведь и в начальственных кабинетах с высокими потолками ждали положительных рецензий: вот ведь, не зря старались – пришёл новый руководитель и театр пошёл на подъём... *(Исполнитель вновь спускается в зал, идёт между рядами, говорит с интонацией ярмарочного зазывалы.)* Кому положительную рецензию?! Кому положительную рецензию?! Вам? *(Надевает на головы зрителям шутовские колпаки.)* Вам?.. А вы сами, что, не аплодировали тем спектаклям? Ах, из вежливости? Тогда и вам – колпак! Натё! И вам, и вам, и вам!.. Ну, кто ещё не околпачен?! *(Надевает на себя клоунскую маску, возвращается к сцене, собирая по дороге розданные колпаки.)* Поигрались? Хватит! Давайте назад! Не только вам нужны положительные рецензии. Их ждут всюду – в Конотопе, Саратове, Бердянске, Херсоне, Луганске... *(Возвращается в образ Федорченко.)*

Но одна ласточка весны не делает. Что-то всё равно было не так. Степовому отказали в приёме в партию – а без партбилета он мог оставаться всего лишь ИСПОЛНЯЮЩИМ ОБЯЗАННОСТИ главрежа. Театр всё больше напоминал корабль, плывущий чёрт-те куда без руля и без ветрил. Какие-то странные слухи ползли по городу. Я попытался поговорить об этом с Нелей Кондратьевной, но неожиданно нарвался на холодную реплику: «А кто виноват, что Степовой оказался бездарным режиссёром?..» Я замер. Это было её мнение? Или она передала то, чего я сам ещё не знал *(говорит с акцентом, голосом Фрунзика Мкртчяна)*: «Товарищ Степовой не оправдал оказанное ему вы-исокое доверие...» «Зачем же вы втянули меня в эту авантюру?!» – захотелось крикнуть мне. А кричать, наверно, следовало – «Зачем я, дурак, полез в эту мерзкую историю?!»

О том, что Степового «ушли», я узнал из третьих рук. Смешно это или нет, но была использована та же схема, которая привела его в главные режиссёры, – безжалостная газетная публикация, к тому же не у нас, а в столичной газете (куда более безжалостная, чем то, что написал я, когда готовились «уйти» главрежа Кравченко) и отставка. Мне оставалось только радоваться, что сам я не имел ко всему этому ни малейшего отношения...

Пришедший следом Семён Борщинский стал первым в истории городского театра не просто главрежем, а художественным

руководителем. Тоже интересная история, между прочим. В стране бесчинствовала горбачёвская перестройка. Партия, которая всё ещё оставалась одна, – а многие говорили: и правильно, двух партий нашему народу не прокормить! – решительно боролась за трезвость. Но многокилометровые очереди выстраивались почему-то не у касс театров, а у винно-водочных магазинов. Зато пресса захлёбывалась от восторгов: гласность, плюрализм, реформы, демократия, консенсус! Верной дорогой идём, товарищи, и как только возобладает новое мЫшление!.. Видимо, и где-то в кабинетах с высокими потолками возобладала новая мысля: если объединить в одном лице должности директора и главного режиссёра, в театре будет больше толку.

Да, новые ветры веяли над новой страной. И пресса подпевала тем, кто её разваливал: экономика, инвестиции, народ, мажоритарный, электорат, рынок, отечественный производитель, народ, блок, партия, фракция, народ, демократия, рейтинг, опрос, компромат, народ... А что не сможем сами – запад поможет! Даст – от щедрот своих! – кредиты, новейшие технологии, возьмёт за шкуру да потащит туда, куда и не мечтали. И как же будет замечательно, если придёт на наши предприятия новый, ЭФФЕКТИВНЫЙ СОБСТВЕННИК... А пришедшие «эффективные собственники» первым делом отправляли всех в неоплаченные отпуска. И пока вчерашний гегемон ходил вокруг обретших новое мЫшление мэрий с самодельными плакатиками – «Дайте работу!», «Отдайте зарплату!» – бригады сварщиков под корень срезали в цехах оборудование, любое, всё, и ненужное, и самое дорогостоящее, а эффективный собственник сплавлял его на запад по цене металлолома. Потом продавал корпуса под склады или магазины и сам исчезал в неизвестном направлении...

Сменил Борщинского Аристарх Переверзий. И тут же в театре возникла революционная ситуация.

Девяностые продолжали бесноваться в стране. Актёрам, как и всем прочим, месяцами не платили зарплату. Деньги на глазах обесценивались. На смену этому слову пришло слово «бартер». Бедняги-актёры пускались во все тяжкие. Кто-то подрабатывал грузчиком, а потом играл спектакли с надорванной спиной. Кто-то... блин, самому повторить страшно... учился ловить лягушек – ведь французы их едят... Театр давал спектакли в колхозах – в тех, которые ещё держались, – получая «бартером» продукты. Львиная доля, была уверена труппа, доставалась худруку, главбуху и

нескольким приближённым. Остальные же могли жрать и лягушек. Актёры, известно, как дети. Но могут быть и сукиными детьми. Они роптали, требовали гласности, вмешательства прессы и высокого руководства. Похоже, впервые в истории театра пытались показать, что не всё зависит от директора или главного режиссёра. Что есть и третья сила – труппа. Худрука они не щадили. И ест слишком сытно, и репетиции ведёт «не так».

В театре чуть не каждый день проводились собрания – профсоюзные. Прежних партийных организаций давно нигде не было. Актёры, пусть не вся труппа – конечно, не вся! – хотели другого худрука... Эзоп. «Лягушки, просящие царя»...

Я сделал одну-две публикации о ситуации в труппе, а затем... меня перестали пускать в театр. Но мне и без него было о чём писать. О трудовых коллективах, которые становились заложниками в перделе бывшей всенародной собственности, об идущих на дно предприятиях... Хотя всё чаще ощущал себя мальчиком, который пытается пальцем заткнуть пальцем дырку в плотине. Не затыкать – нельзя, а верить, что сможешь заткнуть – самонадеянно. А пресс-конференции!.. А интервью!.. А брифинги!.. И ты вроде бы честно делаешь свою работу, но если высокие и самые высокие должностные лица беззастенчиво врут на голубом глазу... (*Исполнитель вновь надевает клоунскую маску, говорит залу.*) Эй, ребята, вам колпаки раздать или сами наденете?!

А худруки в театре продолжали меняться. Иногда я всё-таки приходил в театр. Покупал в кассе билет и, стараясь остаться неузнанным и незамеченным, проскальзывал в зал. Пока на одном из спектаклей не получил такой заряд негативных эмоций, что закаялся ходить в театр вообще. (*Спускается в зал, обращается к конкретному зрителю, говорит совершенно серьёзно.*) Катарсис, вы говорите? Я тоже знаю это слово. Но, скажите, какой катарсис, какое очищение, если есть боль, но нет надежды на облегчение?! Да, мне плохо без театра. Но пусть лучше будет плохо без театра, чем плохо – от театра...

И тут, похоже, не выдержало само здание – неожиданно-негаданно просел фундамент, начали разрушаться стены... Усталость материала – так объяснили мне специалисты. Мне это показалось символическим... Но... понятно, написал я иначе. (*В нейтральной интонации читает из газетной подшивки.*) Гибнет памятник архитектуры позапрошлого века – гордость нашего города. Гибнет

здание театра, в котором работали замечательные актёры и режиссёры. Плачевна судьба нынешней труппы. И дать зданию погибнуть – всё равно что собственными руками разрушить колыбель, из которой вырос наш современный театр...

Я, журналист, мог бы гордиться, что первым поднял болезную тему. Уже после меня в набат ударило телевидение, потоком пошли новые публикации и перепечатки, которые ссылались на мою статью. Но (*смеётся*) гордости не было. Не только мне – всему городу плохо без театра! Но почему столько раз за тридцать лет возникало ощущение, что театру – и без города хорошо? Идёт зритель, не идёт – да какая разница! Наш театр – колыбель? Колыбель! Руки прочь от колыбели! (*Возвращается за рабочий стол, набирает номер телефона.*) Сергей Васильевич, я понял, как написать пьесу. Только у меня встречное предложение – чтобы вы её написали. А я вам идею подарю... Конечно, смеюсь – над самим собой. А звоню потому, что нужна помощь. Кого-то, кто в теме. Первое. Насколько сегодняшний театр может считаться наследником дореволюционного? Второе. Здание театра – что за слухи идут вокруг его реконструкции? Третье. Преемственность... Подождите – записываю...

Бьёт по клавишам клавиатуры. Звучит «Арлекино» в исполнении Пугачёвой:

По острым иглам яркого огня
Бегу, бегу – дорогам нет конца.
Огромный мир замкнулся для меня
В арены круг и маску без лица.

Я – шут, я – Арлекин, я – просто смех...

ФЕДОРЧЕНКО. Спасибо, Сергей Васильевич. Да. До свиданья. (*Читает с экрана монитора то, что успел написать.*) Дореволюционную труппу развеяла по ветру гражданская война, на её место пришли совершенно новые люди, их и решили считать наследниками, потому что они играли на тех же подмостках. На самом же деле здание дореволюционного театра никогда не было базовой площадкой той знаменитой труппы. Это был антрепризный театр, а наша знаменитая бродяче-гастролирующая труппа – лишь

одной из антреприз, которой он время от времени предоставлял сцену.

Нынешняя грандиозная реконструкция здания театра – большая профанация. Используются материалы, которые много дешевле сметной стоимости. Огромные суммы, выделенные государством, оседают в карманах подрядчиков, липнут к рукам чиновников в виде «отката». Даже если интерьеру вернут его дореволюционный облик и город снова получит Гранд-Опера в миниатюре, то для нынешней труппы это не будет иметь ровно никакого значения, потому что преемственность и раньше существовала только на словах. Поздно фасады реставрировать и кровати двигать, когда пора девочек менять. Вывод (*эту реплику Федорченко читает с явно выраженным недоумением*). Карфаген должен быть разрушен?..

(Пауза. Исполнитель выходит на авансцену.)

Круто, Сергей Васильевич... Театр, который не театр, а музейный экспонат – это оксюморон, неразрешимое семантическое противоречие. Но театр-наследник, который на самом деле ничей ни наследник, – это оксюморон дважды. Но они придут в новые стены – и что, снова будут надувать щёки?! А мы?.. Мы по-прежнему будем делать вид, что это театр?.. А разве не это мы делали прежде? Не мы аплодировали на премьерах? Не мы писали положительные рецензии?..

Но ведь театр-легенда семантическим противоречием не был. Остались имена и лица. Осталась память. Осталась часть нашей истории и культуры!.. Нет, я не могу перечеркнуть всё это. Пусть время распорядилось так, что у них не осталось прямых наследников. Но если кто-то хотя бы попытался подхватить их знамя... *(Пауза.)* Попытался... А подхватил ли?.. И что значит – подхватить?.. И... только ли театр виноват, что попытки подхватить знамя проваливались?..

Я... я тоже виноват. Одних не хотел обижать, потому что дружил. Других – хотел поддержать и раздавал авансы. О тех – просили не рубить с плеча, и я не рубил. А город читал мои рецензии, шёл на спектакли, уходил разочарованный и зарекался ходить в театр вообще. А всё, что было нужно, – это говорить правду. Писать не о том, что хотел сказать режиссёр, а о том, что у него получилось. А если не получилось – почему. Была убогой пьеса? Его замысел? Или воплощение? Сам он бездарь или связался с бездарями, мнящими себя артистами?.. Надо было бить наотмашь (*смеётся*), чтобы держать в

тонусе всех – режиссёров, актёров, да и зрителей тоже. Чтобы знали – если Александр Федорченко говорит спектаклю «да», значит, завтра на нём будет весь город. А если говорит «нет»... Нет, это не приговор – это требование: ребята, лучше надо работать, талантливее. А нет таланта – идите в грузчики, у вас получится.

Театр – игра. Но игра в театр – профанация!

А я... А они... А мы все... И опять я... Катарсис (*смеётся*).
Оксюморн на мою голову!

Снова поёт Пугачёва:

Ах, Арлекино, Арлекино,
Нужно быть смешным для всех...

Исполнитель, устало опустив руки, стоит на авансцене и ждёт, кто первый догадается начать аплодировать.

2012 – 2015 гг.

© Юрченко Анатолий Петрович. 2012 – 2015 гг.
г. Кировоград, Украина.

Автор напоминает о действующем законодательстве, об авторском праве и невозможности постановки пьесы без письменного разрешения правообладателя.

Контакты: т.моб. (+38) 066 144-04-02

E-mail: petrovichev@yandex.ru